

ЛИЧАЙЛД
ВЕСЬ

ЛИ ЧАЙЛД

ДЖЕК РИЧЕР,
ИЛИ НЕЧЕГО ТЕРЯТЬ

ЭКСМО
Москва
2014

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Ч-12

Lee Child
NOTHING TO LOSE

Copyright © 2008 by Lee Child
This edition published by arrangement
with Darley Anderson Literary, TV & Film Agency
and The Van Lear Agency

Дизайн серии *Ф. Барбышева, А. Саукова*

Иллюстрация на обложке *Ф. Барбышева*

Чайлд, Ли.

Ч-12 Джек Ричер, или Нечего терять / Ли Чайлд ; [пер. с англ. В. А. Гольдича, И. А. Оганесовой]. — Москва : Эксмо, 2014. — 512 с. — (Весь Ли Чайлд).

ISBN 978-5-699-73767-3

В этом городе все принадлежит одному человеку: завод, гостиница, банк и даже церковь, проповедующая скорый конец света. Здесь не любят чужаков и сразу выдворяют их вон. Джек Ричер хотел всего лишь выпить кофе в местном ресторане, а нарвался на четырех громил, попал в тюремную камеру и в результате был изгнан из города. Теперь он не отступится, пока не узнает, какую тайну пытаются скрыть жители этого странного населенного пункта. Ведь, в конце концов, Ричеру нечего терять...

Ли Чайлд — один из лучших современных авторов, работающих в жанре детектива-экшн. Его герой Джек Ричер стал поистине культовой фигурой, воплощением негибаемого героя-детектива.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Гольдич В., Оганесова И., перевод
на русский язык, 2012
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-73767-3

*Посвящается
Рей Хелмсуорт и Джанин Уилсон.
Они знают почему*

Глава

01

Солнце не было и вполонину таким палящим, каким могло бы быть, но все равно жарило сильно, и у него кружилась голова и путалось сознание. Он страшно ослабел, потому что вот уже семьдесят два часа ничего не ел и сорок восемь часов не пил воды.

Нет, он не ослабел — он умирал и знал это.

В голове у него мелькали образы и тут же уплывали прочь. Вот лодку с веслами подхватило течение, сгнившая веревка натянута, лодка дергается, пытается высвободиться, а на дне сидит маленький мальчик и беспомощно смотрит на удаляющийся берег и причал.

А вот дирижабль медленно раскачивается на ветру, он каким-то образом оторвался от мачты и плывет вверх от земли, а мальчик, сидящий в нем, видит крошечные испуганные фигурки внизу, они машут руками и с тревогой смотрят на него.

Потом картинка растаяла, потому что новые слова казались важнее образов, и это было нелепо, ведь раньше его никогда не волновали слова. Но прежде

чем умереть, он хотел понять, какие из них принадлежат ему. Какие относятся к нему. Кто он: мужчина или мальчик? Его называли и так, и так. «Будь мужчиной», — говорили одни. А другие твердили: «Мальчик не виноват». Он был достаточно взрослым, чтобы голосовать, убивать и умирать, и это делало его мужчиной. Но он был еще слишком юным, чтобы пить спиртное, даже пиво, а значит, оставался мальчиком. Каким он был: храбрым или трусливым? Его называли и так, и так. А еще помешанным, дефективным, ненормальным, неуравновешенным, страдающим бредовыми идеями, травмированным. Он все это понимал и принимал, кроме слова «неуравновешенный». Получается, он должен быть уравновешенным? Подвешенным ровно, как дверь? Может быть, люди — это двери? И все проходит сквозь них? Может быть, они стучат на ветру? Он надолго задумался над этим вопросом, а потом в отчаянии рассек рукой воздух, осознав, что несет какую-то чушь, словно обкурившийся подросток.

Именно таким он и был полтора года назад.

Он опустился на колени. Песок не был и вполонину таким обжигающим, каким бывал на его памяти, но достаточно горячим, чтобы прогнать охватившую его дрожь. Он упал лицом вниз, измученный, окончательно лишившийся сил. Он ни секунды не сомневался, что если закроет глаза, то никогда уже больше их не откроет.

Но он очень устал.

Невыносимо устал.

Устал гораздо сильнее, чем когда-либо уставал мужчина или мальчик.

Он закрыл глаза.

Граница между Хоупом и Диспейром¹ была самой настоящей: линия на дороге там, где заканчивалось шоссе, ведущее из одного города, и начиналось то, что уходило в другой. Департамент дорог Хоупа использовал темный толстый асфальт, гладко раскатанный специальными машинами. Муниципальный бюджет Диспейра был явно скромнее. Они залили неровную поверхность дороги горячей смолой, а поверх насыпали гравий. В том месте, где встречались две поверхности, образовалась трещина шириной в дюйм — ничейная земля, заполненная черным, похожим на резину веществом. Разделение территории. Граница. Линия. Джек Ричер, не останавливаясь, перешагнул через нее и пошел дальше. Он вообще не обратил на эту линию никакого внимания.

Но позже он о ней вспомнил. Позже он сумел вспомнить ее во всех подробностях.

Города Хоуп и Диспейр находились в штате Колорадо. Ричер оказался здесь, потому что двумя днями раньше покинул Канзас, граничивший с Колорадо. Он направлялся на юго-запад. Прожив несколько дней в городе Калис, штат Мэн, он принял решение пересечь континент по диагонали до самого Сан-Диего, что в Калифорнии. Калис был последним большим городом на северо-востоке, а Сан-Диего — на юго-западе. От одной крайности к другой. С берега Атлан-

¹ Названия городов можно перевести как Надежда (*англ. hope*) и Отчаяние (*англ. despair*). (*Здесь и далее примечания переводчиков.*)

тического океана до Тихого, из влажной прохлады в сухую жару. Ричер ехал на автобусах там, где они имелись, или автостопом в тех местах, где автобусов не водилось. Если же остановить никого не удавалось, шел пешком. В Хоуп он прибыл на переднем сиденье «меркьюри гранд маркиза» бутылочного цвета, за рулем которого сидел ушедший на покой продавец пуговиц. Ричер вышел из Хоупа пешком, так как утром не наблюдалось ни одной машины, движущейся на запад, в сторону Диспейра.

Позже он вспомнил и этот факт. И удивился, что не задал себе вопроса, в чем тут дело.

С точки зрения своего грандиозного диагонального плана Ричер слегка отклонился от маршрута. В идеале он должен был направляться на юго-запад и попасть в Нью-Мексико. Но Ричер никогда особенно не жаловал планы, а «гранд маркиз» — удобная машина, да и старик сообщил ему, что едет в Хоуп, потому что хочет навестить там троих внуков, а затем собирается в Денвер, где у него имеется еще четверо. Ричер терпеливо выслушал его семейные байки и подумал, что вполне может позволить себе поехать сначала на юг, а после свернуть на запад. Возможно, пройти по двум сторонам треугольника будет гораздо увлекательнее, чем по одной? А потом, уже в Хоупе, он взглянул на карту, увидел, что в семнадцати милях западнее находится Диспейр, и не справился с соблазном свернуть с пути. Один или два раза в жизни он уже совершил такое путешествие — в метафорическом смысле, от надежды к отчаянию, и теперь посчитал, что должен претворить свои идеи в жизнь, тем более что возможность оказалась прямо перед ним.

Этот свой каприз он тоже вспомнил позже.

Дорога между двумя городами была прямой и двухполосной. Уходя на запад, она поднималась, но совсем ненамного. Ничего, на что стоило бы обратить внимание. Та часть Колорадо, где находился Ричер, была довольно плоской. Совсем как Канзас. Зато впереди виднелись Скалистые горы, голубые, массивные, затянутые дымкой. Они казались то очень близкими, то вдруг совсем далекими. Ричер взобрался на небольшое возвышение и замер, внезапно поняв, почему один город называется Хоуп, а другой — Диспейр. Поселенцы и фермеры, пришедшие на западные земли за сто пятьдесят лет до него, наверняка сделали привал в месте, которое позже стало называться Хоупом. Впереди они видели последнее серьезное препятствие, находившееся, как им представлялось, на расстоянии вытянутой руки. Отдохнув день, неделю или месяц, они снова пустились в путь и оказались на возвышении, где сейчас стоял Ричер, — и им стало ясно, что кажущаяся близость Скалистых гор всего лишь жестокая шутка топографии. Оптическая иллюзия. Игра света. Отсюда великий барьер опять становился далеким, даже недоступным, и, чтобы туда попасть, требовалось пройти сотни миль бесконечных равнин. Может быть, даже тысячи, хотя и это тоже было иллюзией. По прикидкам Ричера, первые солидные вершины находились примерно в двухстах милях. Иными словами, в месяце трудного перехода пешком или на телегах, запряженных мулами, по безликим диким просторам, следуя по едва заметным колеям, оставленным несколько десятилетий назад. Возможно, они потратили бы даже шесть недель на достижение цели, если бы время года было не самым подходящим для путешествий. В их ситуации не катастрофа, но горькое разочарование,

удар достаточно серьезный, чтобы полные энтузиазма и нетерпения обосноваться на новом месте переселенцы от надежды перешли к отчаянию, причем за короткое мгновение, прошедшее между первым и вторым взглядом на горизонт.

Ричер сошел с дороги Диспейра на похрустывающий под ногами песок и направился к горюшке размером с машину. Он забрался на плоскую вершину, улегся на спину, подложив руки под голову, и стал смотреть в бледно-голубое небо с разбросанными по нему длинными перистыми облаками. Наверное, когда-то они были следами испарений, поднимавшихся с равнин, которые тянулись от одного побережья к другому. В прежние времена, когда Ричер курил, он, скорее всего, взялся бы за сигарету, чтобы скоротать время. Но он бросил курить. Ведь тогда ему пришлось бы держать при себе как минимум пачку сигарет и коробок спичек, а Ричер давным-давно перестал носить с собой вещи, в которых не было нужды. В его карманах лежали наличные деньги, просроченный паспорт, карточка банкомата и складная зубная щетка. И нигде его ничто не ждало — никакого склада вещей в далеком городе, ничего оставленного на хранение друзьям. Он владел лишь содержимым своих карманов, одеждой на теле и обувью на ногах. Этого ему вполне хватало. Все, что необходимо, и ничего лишнего.

Ричер встал и приподнялся на цыпочки. У него за спиной, на востоке, лежала неглубокая впадина десяти миль в диаметре, приблизительно в центре которой, в восьми-девяти милях от Ричера, расположился городок Хоуп — примерно десять кварталов, в каждом по шесть кирпичных строений, окруженных по краям сгрудившимися в кучки домами, фермами, сарая-

ми и прочими постройками из дерева и рифленого железа. Все вместе выглядело как небольшое теплое пятно в дымке. Впереди, в западном направлении, раскинулись десятки тысяч квадратных миль плоской земли, совершенно пустынной, если не считать лент далеких дорог и городка Диспейр в восьми-девяти милях от Ричера. Разглядеть Диспейр было труднее, чем Хоуп. На западе дымка стояла плотнее, и детали в ней терялись, но город казался больше, чем Хоуп, каплевидный, с традиционной площадью в деловой части, расположенной к югу от главной улицы, и обширной зоной, занятой промышленными предприятиями — отсюда такой густой смог. Диспейр выглядел менее привлекательным, чем Хоуп. Хоуп был теплым и добродушным, Диспейр казался холодным и серым. Он производил негостеприимное впечатление. На одно короткое мгновение Ричер заколебался, не вернуться ли ему назад, чтобы отправиться на юг из Хоупа, но он отбросил эту мысль еще до того, как она окончательно сформировалась. Ричер терпеть не мог поворачивать назад. Ему нравилось идти вперед, и неважно, что его там поджидало. Жизнь каждого человека должна строиться на определенных принципах, а неуклонное движение вперед как раз и являлось таким принципом для Ричера.

Позже он злился на себя за отсутствие гибкости в принятии решений.

Ричер слез с горушки и, пройдя по диагонали, выбрался на дорогу в двадцати футах западнее того места, где ее покинул. Он двинулся вперед широкими шагами, легко и уверенно, делая чуть больше трех миль в час, лицом к встречному движению — из соображений безопасности. Впрочем, встречного движения не

наблюдалось. Точнее, вообще никакого движения. Дорога была совершенно пустынной. По ней не ездили ни легковые машины, ни грузовики. Ничего. Никакой надежды, что кто-то его подвезет. Это несколько озадачило Ричера, но не слишком озаботило. Ему не раз приходилось проходить более семнадцати миль за день. Он убрал волосы со лба, сбросил рубашку с плеч и зашагал дальше, навстречу тому, что ждало его впереди.

Глава

03

Границей города служил пустырь, на котором лет двадцать назад собирались что-то построить, но так и не построили. Дальше расположился старый мотель, закрытый, со ставнями на окнах, возможно покинутый хозяевами навсегда. На другой стороне улицы, в пятидесяти ярдах западнее, Ричер разглядел заправочную станцию. Два насоса, оба старые. Не древние вертикальные колонки, какие можно увидеть на картинах Эдварда Хоппера¹, но все равно устаревшие на пару поколений. Чуть дальше стоял крошечный домик с грязными окнами и выставленными в них пирамидами контейнеров с маслом. Ричер подошел к домику и просунул голову в дверь. Внутри оказалось темно, пахло креозотом и разогретой сырой древесиной. За прилавком маячил худой парень лет тридцати в поношенном голубом комбинезоне, заляпанном грязью.

¹ Эдвард Хоппер (1882—1967) — американский художник, видный представитель американской жанровой живописи.

- Кофе есть? — спросил Ричер.
- Это заправка, — ответил парень.
- На заправках обычно продают кофе, — сказал Ричер. — А также воду и содовую.
- У нас не продают, — буркнул парень. — Мы торгуем бензином.
- И маслом.
- Если вам нужно.
- А в городе есть кафе, где можно выпить кофе?
- Ресторан.
- Всего один?
- Нам хватает одного.

Ричер вернулся на улицу, залитую солнечным светом, и зашагал дальше на запад. Через сто ярдов дорога обзавелась тротуарами и, судя по вывеске на столбе, поменяла название и стала именоваться Главной улицей. Через тридцать футов на левой, южной стороне улицы появился первый настоящий квартал, занятый мрачным трехэтажным кубом из кирпича. Возможно, когда-то это был центр по продаже галантерейных товаров. Там и сейчас размещался какой-то магазин розничной торговли. Сквозь пыльные окна первого этажа Ричер разглядел трех покупателей, рулоны тканей и пластмассовую кухонную утварь. Рядом стоял точно такой же трехэтажный кирпичный куб, за ним еще один и еще. Похоже, деловой центр города занимал площадь со стороны в двенадцать таких кварталов, расположенных в основном к югу от Главной улицы. Ричер не был специалистом по архитектуре и находился далеко от Миссисипи, но у него возникло ощущение, что он попал в старый промышленный город в Коннектикуте или в прибрежной зоне Цинциннати. Здесь все было незамысловатым, суровым, без намека на украшения

и каким-то устаревшим. Ричер видел фильмы, в которых действие происходило в маленьких городках Америки, и декорации казались ему немного более искусственными и яркими, чем в реальности. Этот город являл собой полную противоположность таким декорациям, как будто архитектор и целая куча приданных ему рабочих старались изо всех сил, чтобы сделать его более мрачным и безвкусным, чем требовалось. Машин было мало. Седаны и пикапы, все не моложе трех лет, медленно и лениво катили по дороге. На тротуарах встречались редкие прохожие.

Ричер наудачу свернул налево и занялся поисками обещанного ресторана. Он прошел дюжину кварталов, миновал бакалейную лавку, парикмахерскую, бар, дом с меблированными комнатами и полинявший старый отель и только тогда нашел ресторан, занимающий первый этаж очередного куба из темного кирпича. Потолок в заведении был высоким, стены по большей части представляли собой окна из зеркального стекла. Когда-то здесь, наверное, размещался автосалон. Пол был выложен плиткой, столы и стулья сделаны из простого коричневого дерева, в воздухе витал запах вареных овощей. Сразу за дверью стояла конторка с табличкой «Пожалуйста, подождите, пока вас не посадят за столик» на короткой медной подставке с тяжелым основанием. Такие таблички попадались Ричеру повсюду от одного побережья до другого — те же буквы, цвет и форма. Очевидно, где-то имелаась компания-поставщик, выпускающая их миллионами. Он видел подобные таблички в Калисе, штат Мэн, и не сомневался, что встретит их близнецов в Сан-Диего, штат Калифорния. Ричер остановился возле конторки и стал ждать.

Он ждал и ждал.

В зале было одиннадцать посетителей: три пары, каждая за отдельным столиком, трое человек за одним столом и два человека сидели отдельно. Одна официантка. Никакого другого персонала. У конторки никого. Самое обычное дело. Ричер побывал в тысяче подобных мест и на подсознательном уровне знал, какому ритму они подчиняются. Официантка бросит на него взгляд и кивнет, словно говоря: «Я сейчас вами займусь». Затем примет заказ, отнесет тарелку на столик и подойдет к Ричеру, сдувая выбившуюся прядь волос со лба — жест, одновременно означающий извинение за задержку и просьбу проявить сочувствие. Она возьмет из стопки меню и проводит его к столику, после чего умчится, а через некоторое время вернется — все в строгой последовательности.

Но здешняя официантка не сделала ничего подобного.

Она оглянулась на Ричера. Не стала кивать. Долгое мгновение изучала его, потом отвернулась и продолжила заниматься своими делами. Хотя, по большому счету, в этот момент у нее не было никаких особых дел. Она сосредоточила все внимание на одиннадцати посетителях ресторана, просто выполняя свою работу: останавливалась около столиков, спрашивала, все ли в порядке, и добавляла кофе в практически полные чашки. Ричер повернулся и посмотрел на стеклянную дверь, чтобы убедиться, не пропустил ли он табличку с часами работы ресторана — вдруг заведение собирается закрываться. Но ничего такого не обнаружил. Тогда он взглянул на свое отражение в зеркале, проверяя, не нарушает ли приличия то, как он одет. На нем были темно-серые брюки и темно-серая рубашка, куплен-